

детектив – событие

Евгения Михайлова

СЛОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ

Детектив-событие

Евгения Михайлова
Сломанные крылья

«ЭКСМО»

2014

Михайлова Е.

Сломанные крылья / Е. Михайлова — «Эксмо»,
2014 — (Детектив-событие)

Никита и Ольга были словно созданы друг для друга, дело шло к свадьбе. Но однажды Оля бесследно исчезла. Никита, отчаявшись найти возлюбленную, хотел свести счеты с жизнью... Григорий Волков прошел много испытаний, чтобы стать одним из самых богатых людей страны. Разумеется, единственную дочь Надежду он хотел выдать замуж за равного. Тем временем Надежда встретила Никиту, бедного, как церковная мышь, красивого, как ангела, и... готового перевернуть город в поисках пропавшей невесты... А Ольга жива, она рвется на волю. Однако ее хозяин никогда не отпустит редкую птичку. Он слишком долго за ней охотился... Порой тьма заполняет все вокруг, не оставляя даже маленького просвета для надежды. Но нельзя отчаиваться, ведь однажды обязательно взойдет солнце...

© Михайлова Е., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгения Михайлова

Сломанные крылья

© Михайлова Е., 2010

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

...Лене казалось, что из-за ее стонов и слез все давно ушли. Что девятимесячное ожидание – сон или бред. И вдруг кто-то промокнул полотенцем ее взмокший лоб, и она услышала: – Кончай реветь, мамочка. Смотри, какого красавца родила...

Лена помнит эту минуту все двадцать лет. Как посмотрела на красное, сморщенное существо и поняла: красивее никого быть не может. Так и теперь. В любой толпе, на самой людной улице – всегда на ее Никиту кто-нибудь уставится и остолбенеет. Наверное, есть и другие красивые люди, только она никогда не встречала таких, кого можно было бы поставить рядом. Даже в глянцевого журналах с изображениями звезд, обработанными с помощью «фотошопа».

Лена посмотрела на часы, закончила мыть пол и быстро прошла на кухню. Он скоро придет. С деньгами перед зарплатой всегда бывает туго, но Лена знает массу способов скрасить бедность. Вот и сейчас она достала пакет биокефира, молоко, сливочное масло, муку. Через десять минут перед ней вырастет горка золотистых оладий, таких вкусных и пахучих, что Никита съест их в один присест, запив любимым ананасным соком. Он и не догадывается, что Лена никогда не пьет его сок. Ей и чаю достаточно.

Почему она именно сегодня вспомнила, как родился Ники? Просто по ассоциации. Она сегодня очень устала. Очередь на почте, где она работала оператором, выстроилась до улицы. Все ругались, торопили. Конечно, почта должна быть делом быстрым. Кто виноват в том, что платят там гораздо меньше, чем нищим на паперти? То есть кто-то, конечно, виноват, но Лене об этом думать, искать лучшую работу некогда. Она привыкла дорожить тем, что есть. Вот и сейчас: измучилась, а ведь вылизала всю квартиру и невольно вспомнила ту, самую счастливую усталость в своей жизни. Она тогда была девчонкой, только что закончившей школу. Приехала в Москву из Орла, чтобы как-то устроиться в жизни. Вместо этого влюбилась, очень быстро забеременела и услышала от человека, которого считала фактическим мужем, банальную фразу о том, что у него есть другая, постоянная женщина. Он предложил ей деньги на аборт, она спокойно отказалась. Почему-то сразу почувствовала себя курицей, обязанной снести золотое яйцо. Лена улыбнулась: вот почувствовала – и все тут! Хорошо, что хоть квартира была – маленькая, однокомнатная, здесь когда-то жила сестра ее бабушки. Была очень больна, нуждалась только в уходе, а проблемы Лены ее уже не волновали. Сына Лены старушка успела увидеть, а потом тихо, деликатно умерла, как будто уступила место новой жизни. Лене тогда знакомая сказала, мол, так чаще всего и бывает: если в семье появляется новый человек – жди потери. Лена жалела, горевала, но ни на секунду не забывала о том, что нельзя расслабляться, лишая радости ребенка. Она к Никитке всегда подходила с улыбкой, и он очень быстро научился улыбаться в ответ. Он и сейчас такой.

Оладьи готовы. Скоро откроется дверь...

Он вошел в квартиру буквально через несколько минут. У него было бледное, испуганное, что ли, лицо.

– Оля не звонила? – спросил он с порога.

– Нет. Но она же знает, что ты в институте.

– Мама! – почти прокричал Никита в ответ. – Она пропала! Мобильный не отвечает. Ее мама сказала, что она вчера вечером не пришла ночевать! Помнишь, как вы с ней меня уговорили не провожать ее до дома? Так она туда не пришла!

* * *

Оля училась вместе с Никитой в Плехановском институте. Только на другом курсе, на два года младше. А познакомились они на соседней улице, где она жила. Он проходил солнечным днем мимо ее дома, а Оля вышла и смешно зажмурилась от света. Никиту как будто током ударило.

– Ты чего так сияешь? – Он подошел к ней очень близко.

– Что-что? – не поняла она.

А он разглядывал ее, не в силах оторваться. Невысокая, тоненькая, беленькая, с огромными прозрачными глазами, то ли голубыми, то ли зелеными, с пухлым, почти детским ртом.

– Ты такая красивая, что на тебя можно смотреть только в темных очках. А я их дома забыл.

– Ты так шутишь? – серьезно спросила она и внимательно посмотрела на Никиту. Вот он красив, лучше не бывает: высокий, широкоплечий, кареглазый, с правильными чертами лица.

– Я не шучу, – сказал он и дотронулся до ее руки.

Это прикосновение значило для них обоих больше, чем для других людей годы близости. Они были людьми с тонкой кожей. Они умели выразить вздохом ощущение родства. Потом встречались полгода, готовились к свадьбе.

– Нет-нет, ты успокойся и скажи все по порядку, – Лена постаралась произнести простую фразу совершенно спокойно. – Что значит пропала? Может, ее подруга зачем-то позвала? Может... Ну, я не знаю. Вариантов масса.

Последние слова прозвучали неубедительно. Для Оли не было «массы вариантов». Она домашняя девочка. Если сказала, что идет домой, значит, домой и пошла. Если задержалась с кем-то, допустим поговорить, позвонила бы и маме, и Никите. И не сутки же она разговаривает.

– Мама, не говори глупости, – произнес Никита не грубо, а устало, удрученно. – Ты же сама понимаешь: что-то случилось.

– Раз случилось, раз ты думаешь, что случилось, нужно идти в милицию.

– Я пойду. Только Олина мама уже туда звонила, ей сказали, чтоб приходила дня через три, если дочь не найдется.

– Да, конечно, большие умники, – пробормотала Лена. – Но у них, наверно, инструкция такая. Только не впадай в отчаяние. В любую минуту все может решиться лучшим образом.

– Как?

– Ну, скажем, она обиделась на тебя за что-то и попросила маму сказать, что ее дома нет.

– И еще сказать, что она дома не ночевала? Телефон отключила? Мама, это же Оля. Она ничего подобного сделать не может!

– Хорошо. Понятно. Значит, будем искать. Узнаем телефоны всех подруг, однокурсников, спрашиваем соседей. Дом-то рядом. Она ушла, когда еще не особенно темно было.

– И сколько времени, по-твоему, мы будем этой ерундой заниматься?

– Это не ерунда. У нас нет выхода. То есть он появится, если она вдруг придет и все объяснит сама. А пока...

– А пока с ней могут сделать все, что угодно. Ты ведь на самом деле согласна с тем, что с Олей что-то случилось? Ты ведь тоже так думаешь, мама?!

* * *

Оля сначала почувствовала сильную головную боль, а потом очнулась. От тяжелого сна? Или от обморока? Она приподнялась на локте и огляделась. В крошечное окно пробивался

луч света. Это что, погреб? В одном углу дрова, в другом хлам, а она лежит на большой доске, установленной на кирпичках, как на ножках. Что за ужас такой? Она ничего не помнит.

Оля заставила себя встать, держась за стенки, обошла тесное пространство. Вот бочка с водой. Она пьет из ладоней, плещет себе в лицо, даже намочила кофточку на груди, чтоб не так трепыхалось сердце. Силы кончались. Нужно добраться до своей доски, опять лечь и попытаться вспомнить.

Она закрыла глаза и сразу увидела лицо Никиты. Да, вчера она, как обычно, была у него. Потом его мама напомнила, что ему сдавать курсовую, а он не доделал. Оля засобиравшись домой, Никита тоже, все как всегда. Но Оля стала уговаривать его остаться дома, не тратить время: провозжания до соседней улицы затягивались на часы, потому что они не могли расстаться. Тетя Лена поддержала ее. Они уговорили его, но лицо у него было такое огорченное! Оля подумала, что придет домой и сразу позвонит.

Что же потом? Почему она не дома? Оля вспомнила, что у самого дома ее кто-то позвал, попросив: «Девушка, помогите». Она оглянулась и увидела старый зеленый «Москвич». Рядом стоял мужчина, и рука у него была в крови. Оля испугалась, нащупала в сумке мобильник, подошла и спросила:

– Вызвать «Скорую»?

– Не нужно, – ответил мужчина. – Достань, пожалуйста, аптечку из машины, мне руку перебинтовать нужно.

Она забралась на переднее сиденье, открыла потрепанную аптечку... И вдруг боль, темнота, удушье. Провал в черноту.

Она пошевелилась, и в ней вновь поднялось удушье. Затошнило. Но нужно опять встать, поискать сумочку, телефон. Она уже все поняла, но продолжала надеяться, что оказалась здесь случайно. Еехватило на несколько минут поисков сумки, телефона, а главное, выхода. Чудовищная головная боль просто ослепила. Оля с трудом добралась до доски. Перед тем как лечь, провела рукой по волосам. О господи! На затылке большая шишка, а волосы слиплись в комок. Это кровь. Новый приступ тошноты был таким сильным, что судорога пробежала по телу. Она бессильно откинулась, в это время скрипнула дверь, которую она не нашла. Оля с трудом открыла глаза и увидела мужчину среднего возраста и роста, с невыразительным лицом и тусклыми глазами. Это он! Тот, у которого была ранена рука! Только как же это – майка с короткими рукавами, и никаких ран.

– Ну чего? – подмигивает он ей. – Тяжело с похмела? Вот я тебе рассолу принес. От хлороформа здорово помогает.

– Кто вы? Почему я здесь? – еле слышно спрашивает Оля.

– Хозяин я теперь твой, вот кто. Украл я тебя. Тебя здесь никто не найдет, не надейся. Попей рассольчику, я тебе поесть принесу. Ты меня вчера просто умилила. Сразу «Скорую», аптечку. Смотри, – он взял какую-то банку из кучи хлама, сунул в нее палец, затем мазнул им по Олиной руке. Остался след красной краски. – Вот такая была у меня болезнь. А так я здоровый. Скоро сама поймешь.

Оля дрожала. Она пыталась придумать слова, которые были бы понятны этому чудовищу. Она не надеялась, что он ее выпустит. Но хотя бы телефон дал. Она бы позвонила маме, Никите, они бы ее нашли.

– Мне нужны моя сумка и телефон, – проговорила она. – Мама волнуется.

– А как же! – ответил ей мерзавец. – И она волнуется, и хахаль твой. Я все знаю. Я за тобой давно наблюдаю. Понравилась ты мне. Конец разговору. Будешь тут жить. Васей меня зови. Поняла?

* * *

Вера Михайловна всю жизнь проработала в одной школе. Ушла на пенсию, когда учебники стали другими, ребята заговорили на не совсем понятном языке, их родители стали меньше интересоваться детьми, чем своими машинами и домами. Да и здоровье уже не то. Стал болеть и Гром, тибетский терьер, единственная по-настоящему родная душа. Они понимали и любили друг друга почти восемнадцать лет. Когда он умер, Вера Михайловна ни с кем не делилась своей тоской. Но страдала по преданному псу, как по близкому человеку. В последнее время стала заставлять себя выходить из дома в те часы, когда гуляла с Громом. Ходила в ближайший скверик, сидела там с книжкой, но по большей части наблюдала за играми детей, поведением прохожих. Так меньше ощущалось одиночество, не так мучили мысли о прошлом и будущем.

В это утро она какое-то время удивленно наблюдала, как ходят взад-вперед, останавливают всех прохожих сотрудница их почты Лена и ее сын Никита. Обычно такие спокойные, приветливые, а тут пробежали мимо и даже не заметили. Вера Михайловна решительно поднялась и остановила Лену:

– Леночка, мне кажется, у вас что-то случилось. Вы кого-то ищете?

– Ох, не спрашивайте, – та еле сдерживала слезы. – Такая беда! Оля пропала. Позавчера ушла от нас домой и как будто испарилась. Милиция пока даже заявление не принимает, вот мы и бегаем, спрашиваем, может, кто-то что-то видел. Вы, кстати, ничего не видели?

– Я сижу здесь подолгу, наблюдаю, но если бы точно знать, что нужно вам! Оленьку я дня два точно не видела.

– Ну, тогда мы дальше побежим спрашивать. Никита уже просто заболел. Мама Олина лежит с сердечным приступом.

– Обязательно зайду к ней. Я тоже буду спрашивать у всех. Разрешите мне иногда вам звонить?

– Конечно, обязательно.

Вера Михайловна вернулась на свою скамейку и сжала руки. Как можно не принимать заявление в таких случаях! Пойти, что ли, в районное отделение, потребовать? Нет, можно нарваться на таких типов, которые со зла и через неделю не примут. Да если и примут... Нужно ведь сейчас, пока следы не совсем затоптаны, пока собака может пойти по Олиному запаху. Пройти-то ей нужно всего метров двадцать. Что же придумать?

Глава 2

– Виктор Николаевич! – окликнула охранника супермаркета одна из кассирш. – Опять забыли зарплату получить? О чем только думаете? Или деньги не нужны?

– Думаю, Людочка, как раз о том думаю, что они нужны. А получить забыл, действительно. Спасибо за заботу.

Охранник, широко улыбаясь кассирше, отправился в бухгалтерию, оттуда в торговый зал. Купил кусок свинины, докторскую колбасу, хлеб, молоко и кефир. В очереди в кассу взял с витрины маленький шоколадный батончик. Зашел в раздевалку, положил продукты в холодильник, присел на стул перед небольшой полкой, где всегда стояли электрочайник и чай в пакетиках. Аккуратно, в некоторой задумчивости, выпил чашку чая, передохнул – целый день на ногах – и вернулся на свое место. В это время в магазин вошел старик в черных очках, нащупывая себе путь с помощью палки. Виктор Николаевич взял посетителя за локоть и довел до входа в зал.

– Там найдете, что нужно? – любезно спросил он.

– Да, я четко ориентируюсь: знаю, где хлеб и молоко. Спасибо вам большое.

– Не за что.

Виктор Николаевич неторопливо зашагал по своему маршруту. Осталось несколько часов, а там – и домой наконец поедет. Он подумал о доме, и вдруг в нем поднялась волна адреналина: волнение, удовольствие, предвкушение. Он даже на минуту стал лицом к стене, чтоб никто не увидел страшноватую улыбку, искажившую его лицо. Время стало тянуться медленнее, но рабочий день все же закончился.

Виктор Николаевич переоделся, взял из холодильника пакет с едой и пошел на автостоянку. Он открыл старый зеленый «Москвич», положил пакет на заднее сиденье и медленно, осторожно тронулся с места – очень уж боялся дорожных происшествий. Через пятнадцать минут он уже открывал дверь квартиры в старой девятиэтажке.

– Мама, я пришел! – крикнул с порога.

Ему навстречу вышла старая женщина, молча взяла из рук пакет и вернулась на кухню. Он проговорил ей в спину:

– Я в гараж. Машину поставлю, помою. Подожди! – Он догнал ее и вынул из пакета шоколадный батончик. – Ты это... Мясо там приготовь, картошку поджарь. Есть хочется. – Он помедлил, а потом взял из рук матери еще и пакет молока.

Оля услышала знакомый скрип и подняла глаза к невысокому потолку своего заточения. Вот он, спускается по короткой лестнице. Улыбается, наверное, что-то несет в руке. Какие же слова ему сказать, чтоб он понял, что так больше нельзя? Как вразумить? Как ей себя повести?

Виктор подошел к своей добыче. Поставил на доску пакет молока. Затем с видом фокусника достал из кармана шоколадный батончик.

– А это за хорошее поведение.

– Послушайте меня, – сдерживая слезы, заговорила Оля. – Вы не понимаете, что так никто ничего не добивается. Что я очень страдаю. Что у моей мамы большое сердце. Мы можем как-то по-человечески договориться. Я не обижаюсь на вас. Если отпустите меня домой, я никому ничего не скажу.

– Ты о чем? А что бы сказала, если бы обиделась? И кому?

– Никому. Я же объясняю.

– Нет, это я тебе объясняю. Тебе некому больше ничего говорить. Кричать тут бесполезно, я такую заглушку установил. Ты меня не зли. Пей молоко, кукла, ешь шоколад. Потом еще что-то принесу. Если перестанешь меня доставать. Как, я сказал, меня называть?

– Не помню.

– Все ты помнишь. Гордая очень. Вспоминай.

– Я не помню.

Он сильно ударил ее по губам. Оля приложила к ним ладонь и с ужасом посмотрела на кровь. Ее ударили первый раз в жизни.

– Как меня зовут?

– Вася, – прошептала она.

– То-то же. А то «не помню». Ты эти штучки брось. Давай, питайся. Ведро в том углу – это твой туалет. Жди меня.

Он быстро повернулся и вылез из самодельного погреба, на сооружение и звукоизоляцию которого потратил не меньше полугода. В гараже запер потайную дверь. Что-то не то. Почему он сказал ей не свое имя? Боится, что ее найдут? Не найдут. Они никогда никого не находят.

* * *

Никита больше не ходил в институт, не ел, не пил, не бегал по улицам, опрашивая соседей. Заявление об исчезновении Оли в милиции приняли, но ничего конкретного сообщить пока не смогли.

– Да не ищут они никого, – сказал Никите друг по двору Серега. – «Конкретное» – это у них так называется труп нечаянно найти.

Вот после этих слов сердце Никиты сжало отчаяние. Оля – настолько правильная девочка, что с ней могло произойти только что-то очень страшное. А без нее ему, Никите, просто невозможно жить. Пошел четвертый день с того момента, когда девушка пропала. Никакой зацепки, никакой помощи, никакой надежды. Слова Сереги сверлили мозг. Это, наверное, так. Что же ему, Никите, ждать, когда ее найдут... мертвой? Боль стала нестерпимой. Казалось, сердце находится везде. Никита с трудом встал, прошел в ванную, открыл аптечку. Вот мамины снотворные, болеутоляющие, еще какие-то таблетки. Полно. Она всегда говорила, что давно нужно все пересмотреть, потому что у этого добра срок годности быстро истекает. Он налил большую кружку воды и медленно проглотил всю просроченную гадость. Немного посидел на бортике ванной, пока голова не стала тяжелой и туманной. Потом наполнил ванну горячей водой, лег в нее, взял приготовленное лезвие и глубоко, старательно перерезал вены на обеих руках. Вода в ванной стала розоветь, затем покраснела, а он отдавал себе отчет лишь в том, что боль понемногу тает.

* * *

– Лена, – серьезно говорила второй оператор Нина, – возьми себя в руки. Я вчера Никиту твоего встретила и не сразу узнала. Он просто черный от горя. Ты как-то не так себя с ним ведешь. Нужно найти силы успокоить, обнадежить. Сколько девочек исчезают на четыре дня, на четыре года, а потом возвращаются, иногда даже с мужем-олигархом. Ладно-ладно, Оля не такая, не сякая, но тоже могла на что-то повестись. Твой Никита хоть и красавец, но, извини, голь перекатная, она – тоже. А вдруг соблазнилась другой судьбой? И вообще, даже если что-то случилось с ней, ваша жизнь от этого не должна остановиться. Говорила я тебе, что у моей подружки дочка подходящая, жалко, не успели вовремя познакомиться. Ну, ты помнишь, одно-классница моя, которая на Рублевке живет и не тужит с денежным мешком вместо мужа. Дочка у них, конечно, не такая хорошенькая, как Оля, но девка неплохая, в МГИМО учится. Конечно, они ей мужа из своих подыскивают, но если бы она хоть раз на Никитку взглянула, запала бы сразу. А она с характером.

– Нина, что ты говоришь! Ты хоть себя слышишь? Какая дочка? Какой денежный мешок? Беда у нас, а ты, как заезженная пластинка, извини, конечно. Я просто нервничаю. Никита

дома, в институт не пошел, а телефон уже второй час не отвечает. И мобильник у него отключен. Я у заведующей пробовала отпроситься на полчаса, так она просто взвилась. Не знаю, что делать. Ох, кажется, Вера Михайловна к нам идет. Может, она поможет.

Вера Михайловна вошла на почту и, деликатно обойдя очередь, сказала:

– Здравствуй, Леночка, я на секунду. Только спросить: ничего не слышно?

– Вера Михайловна, дорогая, ничего не слышно. Но вы могли бы меня выручить. Никита дома, а телефон не отвечает. Меня с работы не отпускают, а мне бы посмотреть, как он там. Возьмите, пожалуйста, ключ, сходите к нам, если можете. Неудобно просить, но так тревожно!

– Господи, конечно! Схожу, посмотрю, может, он уснул крепко, заодно поговорю с ним. Плохо ему, наверное, одному. А потом сразу к тебе. Ключ верну и доложусь.

Она вернулась часа через два. На лице красные пятна, дышит, как будто кросс пробежала.

– Леночка, теперь вам точно нужно отпроситься. Только без паники. Он в больнице, но ему уже помогают. Убить он себя хотел.

* * *

Стелла решительно, без стука, вошла в комнату дочери и не сразу обнаружила ее среди вороха разбросанной по огромной кровати одежды. Надя спала голая, от нее явно пахло спиртным. Второй час дня. Впрочем, она вернулась домой около пяти утра. Стелла сначала прикрыла дочь одеялом, затем решительно встряхнула ее за плечо. На нее уставились красные, припухшие глаза.

– Чего тебе нужно? – нежно спросила дочь. – Зачем разбудила?

– Мне нужно знать, до каких пор это будет продолжаться? Ты что, решила стать алкоголичкой? Всю жизнь проваляться, воняя перегаром? Ты посмотри, посмотри на себя в зеркало. Вся опухшая, вместо глаз дырки какие-то. Мы такие деньги платим твоим косметологам, массажистам, я уже не говорю о золотой пластической операции, после которой за собой нужно следить, чтобы все не расплзлось и не превратилось в кошмар.

– Слушай, – пробормотала Надя, – а ты не могла все это сказать, когда я проснусь?

– Я целыми днями жду, когда ты проснешься. Сегодня у нас час просидел Марк в ожидании этого чудного мгновения.

– Рада слышать, что он уже ушел.

– Он на тебе жениться хочет, идиотка! Он терпит твоё поведение, верит, что ты иногда ходишь в институт, возит тебя путешествовать, дарит дорогие подарки. С какой стати ты решила, что об него можно ноги вытирать?

– С простой, мама, – Надя потянулась. – Он хочет жениться на папином бизнесе. Если бы мой пластический хирург пересадил мне нос на место уха, Марк все равно хотел бы на мне жениться.

– Это неправда. Я вижу, я замечаю, как он на тебя смотрит, делает комплименты.

– Ладно, мама, комплименты так комплименты. Неохота мне сейчас это обсуждать. Может, ты выйдешь, чтобы я могла нормально встать, ванну принять, одеться?

– Я выйду. Ты с перепою становишься очень стеснительной.

Стелла спустилась в гостиную и налила себе два глотка виски. Она становится невозможной. Есть масса причин, которыми можно оправдать такое поведение. Тот же алкоголь, нездоровый режим, отсутствие серьезных отношений с мужчиной. С Марком она, конечно, спит от скуки и потому, что он рядом. Но вообще-то все это называется распушенностью, и никуда от этого не денешься.

Когда позвонил телефон, Стелла не сразу поняла, кто это говорит.

– Нина? Какая Нина? О господи, Ниночка, прости, мы так давно не разговаривали. Какая просьба? Помочь твоей подруге? В смысле денег? А что случилось? Боже, какой кошмар! Но

жизнь ему спасли? Ну, конечно. Сколько? Ладно, сама прикину. Я очень занята, но пришлю кого-нибудь. Куда? В больницу? Говори адрес, палату, фамилию. Эта Лена, подруга твоя, там, наверное, все время сидит? Нина, я сейчас все организую. Ну, что ты плачешь, ты ж сказала, жизнь спасли? Красивый парень? Если бы это кого-то спасало от несчастий. Давай я запишу все телефоны, твой тоже, чтоб по книжкам не рыться. Держитесь.

Стелла положила трубку, лицо ее стало грустным. Нинка и в школе вечно всем пыталась помочь. Сейчас на почте работает. Надо же, какая беда у этой ее подруги.

В комнату вошла Надя в джинсах и майке.

– Кто звонил?

– Одноклассница моя. Денег немного просила.

– Ну, это конечно, раз одноклассница.

– Да она не для себя. У ее подруги сын пытался покончить жизнь самоубийством. Сейчас в больнице, состояние тяжелое, а средств у них нет.

– Что, серьезно? А из-за чего это он?

– Девушка у него пропала.

– Ничего себе эмоции!

– Нина говорит, парень красив как бог.

– Ты повезешь им деньги?

– Да нет. Шофера пошлю.

– А хочешь, я отвезу? Никогда не видела самоубийц.

Глава 3

Никита приоткрывал глаза, видел больничные стены, капельницу, маму у своей кровати, но задержать взгляд, произнести хотя бы слово не было сил. Вдруг раздался шум. Медсестра пыталась кого-то не пропустить в палату, но незнакомая девушка решительно отстранила ее и подошла к кровати. Никита слышал, как мать смущенно, почти перепуганно благодарит за что-то. Он с усилием поднял ресницы и встретил прямой и внимательный взгляд серых глаз. Его длинные ресницы вновь опустились на щеки.

Лена вышла с Надей в коридор.

– Не знаю, как вас благодарить. Надо же, совершенно чужим людям помогаете.

– Не совсем чужим, – приветливо ответила Надя. – Нина – мамина одноклассница, в школе они очень дружили.

– Но я даже не представляю, когда смогу вернуть вам долг.

– Не держите в голове, – властно сказала Надя. – Вам есть о чем думать. А что же случилось с этой девушкой, из-за которой он... это... так поступил?

– Если бы знать, – печально ответила Лена. – Она просто пропала.

– Но почему он и вы подумали, что случилось что-то ужасное? Может, она уехала, ну там с друзьями, забыла или не захотела предупредить.

– У них не такие отношения, Оля не такая девочка. Наши дома рядом, она просто должна была перейти улицу и войти в свой подъезд, как делала это сотни раз. Но утром оказалось, что она дома не появлялась. Первый раз в жизни. Ее мама не позвонила нам ночью, подумала, что она у нас осталась. Так бывало... Прошла уже почти неделя. В милиции ничего конкретного сказать не могут. Никаких свидетелей, никаких следов.

– Да, там, конечно, одни умельцы – следы искать. А вы сами обзвонили ее знакомых?

– Обзвонили, обыскались, обспрашивались. А время идет.

– Да, ситуация. Но для вас сейчас главное – сына на ноги поставить. Он такой бледный. Вы не возражаете, если я как-нибудь еще заеду – фрукты, соки подвезу?

– Господи, спасибо, что ж вы за девушка такая добрая!

– Не так чтобы слишком добрая, – задумчиво ответила Надя. – Больно парень хорош. Жалко. Ну, пока.

– Передайте мою благодарность вашей маме.

– Передам.

Надя вышла из больницы, подошла к своей машине и закурила. Шекспировские страсти. Интересно бы взглянуть на девушку, без которой такой красавец жить не хочет.

* * *

Вера Михайловна в третий раз проходила от дома, где живет Никита, до дома Оли. Может, существует место, откуда этот проход постоянно виден? Да как же она не сообразила?! Оба дома видны как на ладони от супермаркета. Она решительно направилась туда, не зная точно, к кому обратиться. Постояла в нерешительности на ступеньках, провожая взглядом озабоченных покупателей, навьюченных пакетами. Не у них же спрашивать. Она медленно вошла в вестибюль за стеклянной дверью, сразу увидела невысокого мужчину среднего возраста в черной форме охранника и подошла к нему.

– Извините, я хотела бы задать вам вопрос, который может показаться вам странным. Просто у нас ситуация безвыходная. Дней шесть назад вот с того места, которое сейчас нам хорошо видно – вон там, два дома и улица между ними, – бесследно пропала девушка. Вечером,

но не очень поздно, когда еще не совсем темно. К тому же там фонарь стоит. Вы не припомните ничего странного? Вдруг вы как раз туда посмотрели, а там, к примеру, хулиганы? Пожалуйста, подумайте. У вас же профессиональная память.

– Моя профессиональная память нужна мне здесь, в магазине, чтоб никто мимо кассы не прошел, – ответил охранник. – Я улицы не разглядываю.

– Я понимаю. Но бывают случайные впечатления, которые пассивно откладываются в памяти. Возможно, вы потом что-то вспомните. Я еще раз подойду, с вашего позволения. Как вас зовут?

– Не знаю, зачем вам ко мне подходить. Зовут меня Виктор Николаевич. Извините, больше разговаривать не могу.

– Да-да, конечно, спасибо, – проговорила уже в черную спину Вера Михайловна и пошла к выходу. Обычный занятой человек, безразличный, как многие, но как-то очень быстро он отвечал. Вера Михайловна любила детективы и понимала, что в своих поисках может встретить массу людей, которые ей не понравятся. Ей бы какого-нибудь специалиста в помощь. Дома она достала пачку газет с объявлениями, позвонила по тому, где значилось «Частный детектив». Ей ответил бесцветный голос, выслушал, а потом сказал:

– Дама, вы знаете, что мы берем плату за каждый час работы? Причем немаленькую. А здесь дело, может, не на один месяц. Вы в состоянии оплачивать расходы?

– Нет, – растерянно проговорила Вера Михайловна и быстро положила трубку.

* * *

Он шел к гаражу, не в силах избавиться от чувства досады. Какая-то настырная старуха. Почему она именно к нему прилипла? Ерунда, конечно, но когда нервы на пределе... Он сам не знал, почему постоянно так взвинчен. В первый раз, кажется, все было легче. Больно девчонка трудная. Ничего не ест. Помереть может.

Виктор открыл погреб, спустился по лестнице, включил свет. Оля лежала лицом к стене и не шевелилась. Он приблизился и с ужасом уставился на тонкую, неподвижную, как будто восковую руку. Дотронулся: теплая. Повернул девушку на спину. Оля с трудом открыла глаза и тут же крепко зажмурилась. Виктор заставил ее сесть. Она прислонила голову к стене, руками держась за доску, которую хозяин застелил старым ватным одеялом.

– Слушай, я тут картошки теплой принес, помидор. Поешь. Ты сама не понимаешь, что с голодудохнешь?

Оля посмотрела на него огромными глазами, в которых стояла мука, и еле слышно произнесла:

– Я не могу. Мне плохо.

– Оттого и плохо, что не жрешь ничего.

– Вы что, не понимаете, почему мне на самом деле плохо?

– Сейчас уже неважно, почему. Ешь, я сказал!

Он достал из миски еду, одной рукой открыл ей рот, другой попытался положить в рот картошку. Она сжала зубы. Он несильно ударил ее по щеке, она посмотрела испуганно и сама открыла рот. Какое-то время послушно глотала, но вдруг зажала рот руками, отбежала в угол. Ее стошнило. Черт! Больная, что ли? Он быстро поднялся в дом, порывшись на полке, где у матери стояли нехитрые лекарства. Схватил пузырек с валерьянкой и вернулся в подвал. Оля лежала на спине и стонала. Он накапал капли в кружку, налил немного воды, приподнял ее голову и заставил выпить лекарство. На истощенный организм оно подействовало мгновенно. Оля всхлипнула и заснула. Он стоял довольно долго, разглядывая ее и прислушиваясь к ее дыханию. Даже сейчас красивая, как дорогая кукла. Как же заставить ее жить, подчиняться ему,

доставлять радость? Он уже измучился с ней. Но если бы кто-нибудь ему сейчас сказал: «Верни на место, и тебе точно ничего не будет», – он бы только зло ухмыльнулся.

* * *

– Ну, что, отвезла? – спросила Стелла у дочери, когда та появилась в гостиной.

– Да, конечно. Эта тетка, Лена, что ли, страшно тебя благодарила.

– Как сын-то ее?

– Лежит под капельницей, бледный.

– Но лучше ему?

– Откуда я знаю, как было. Но слушай, мать, какой красавец! Я просто таких не встречала никогда.

– Да, Нина говорила. А что это ты обрадовалась? Он там лежит из-за девушки, которую любит.

– Это понятно. Я только из эстетических соображений. Но вообще... Если твои деньги помогут поставить его на ноги, а любимая девушка так и не появится, возможны варианты.

– Ты хоть слышишь себя иногда? Что ты сейчас сморозила? Во-первых, там несчастье, а у тебя сердце даже не дрогнуло. Во-вторых, это сын почтовой работницы, который страдает по дочери какой-нибудь уборщицы. А у тебя свои проблемы в своей песочнице. Замуж за богатого, чтоб отцу понравился, чтоб он будущее ваше планировал.

– Ну при чем тут отец, планирование, замуж? Я просто мыслю вслух по поводу всякой ерунды. Что ты базу подводишь? Кстати, я на днях собираюсь еще раз в больницу заглянуть. Фруктов привезти. Ты не видишь здесь злого умысла против нашей прекрасной песочницы?

– Нет, конечно. Это нормальный поступок. Я сама собиралась Нине звонить, узнавать, как там дела.

– Вот видишь, какие мы с тобой отзывчивые. Впору интервью дать на эту тему какому-то слюнявому от глянца изданию.

– Я надеюсь, ты не совершишь подобной глупости?

– Господи, мама, как ты живешь без чувства юмора? Так же удавиться со скуки можно.

– Какое счастье, что ты у меня веселая и развитая. Есть повод мне не давиться.

– Ладно, не напрягайся. Я пойду к себе, отдохну.

В своей комнате Надя, не раздеваясь, плюхнулась на кровать, закрыла глаза и принялась рассматривать лицо Никиты. Оно отпечаталось в ее мозгу, как на пленке.

* * *

На следующее утро Вера Михайловна опять пришла в супермаркет. Она думала, может, там будет другой охранник. Но встретила не очень приветливый взгляд Виктора Николаевича.

– Здравствуйте, – торопливо проговорила она. – Вы меня извините за настойчивость. Я просто забыла тогда сказать. Вы эту девушку, которая пропала, могли заметить раньше, до того, как все произошло. Она очень красивая, яркая, ходила всегда в этот магазин. Ее зовут Олей. Такая изящная, белокурая, с большими голубыми глазами. Я могу фотографию принести. Может, вы раньше видели, как, скажем, к ней кто-нибудь пристаёт. Или поджидает. Ну, любое наблюдение. Принести снимок?

– Гражданка, вам что, делать нечего? Вы представляете, сколько девушек ходит в этот магазин? Я что, смотрю, кто к ним пристаёт, кто поджидает? Мне за это платят?

– Я не понимаю, почему вы отказываетесь? Почему хотя бы не попытаться помочь?

– Я не милиционер. Я магазин охраняю, а вы меня уже второй день от работы отвлекаете.

– Извините. Не думаю, что вы правы, но это неважно. Я уйду.

Вера Михайловна медленно прошла от магазина до дома, где жила Оля. Хоть бы что-то узнать, маме ее сообщить, что, мол, есть надежда.

На детской площадке тусовались подростки. Судя по запаху, курили, но, увидев бывшую учительницу, спрятали сигареты.

– Ребята, – обратилась к ним Вера Михайловна, – вы Олю Волохову из этого дома знаете?

– А кто это?

– Ну, такая девушка красивая, блондинка, в институте учится.

– А, – вспомнил один парень, – которая с Никитой дружит?

– Ну вот! – обрадовалась Вера Михайловна. – Вы знаете, она пропала. Мы ее уже неделю ищем. Никто из вас не видел ее вечером, не очень поздно?

Ребята вяло посоображали и друг за другом сказали: «Не-а». Они уже думали о спрятанных сигаретах и двух бутылках пива.

– Я вас очень попрошу, – сказала Вера Михайловна. – Если вдруг что-то вспомните, услышите от других, скажите мне, пожалуйста.

– Ладно. А че, трудно, что ль? – пробасил один из недорослей.

Глава 4

Марк с выражением тщательно продуманного терпения смотрел на Надю. Она долго и критично рассматривала ногти на руках, затем на ногах, после чего повернулась к нему:

– Я же сказала, что в таком виде никуда не пойду.

– А сколько времени нужно для того, чтобы изменить этот, как ты выражаешься, вид, который мне кажется совершенно нормальным?

– У нас вообще разные взгляды. Мне нужен массаж, маникюр и педикюр, хороший макияж.

– Не вижу ничего сложного в том, чтобы все это организовать.

– А я вижу. Мне неохота, понятно?

– Тебе не хочется никуда ехать? Хорошо. Давай посидим у тебя или поедem ко мне.

– Мне никуда неохота ехать.

– Значит, здесь, у тебя? Я могу сходить что-нибудь взять из бара?

– Давай.

Они выпили. Марк пересел на огромный диван, на котором полулежала Надя, обнял ее за плечи, погладил колено. Ее лицо совершенно не изменилось. Он задышал взволнованнее, его рука поднялась по колену вверх.

– Ох, – дрыгнула Надя ногой. – Давай не сейчас, ладно? Устала я, и настроения нет.

– У тебя было много занятий?

– Да нет, просто в больницу нужно было съездить. Там сын знакомой моей мамы лежит в реанимации. Отравился и вены себе перерезал.

– В смысле – хотел покончить жизнь самоубийством?

– В смысле.

– Из-за чего?

– Из-за женщины.

– Она его бросила?

– Длинная история.

– А при чем тут все-таки ты?

– Я же сказала: маминой школьной подруге понадобилась помощь. Я ее оказала. И буду оказывать.

– Какие-то незнакомые черты в тебе открываются.

– Вот как? Ты, любя, считал меня дубиной бесчувственной?

– Ну, зачем сразу злиться. Ведь они практически незнакомые тебе люди...

– А моей родной маме они практически знакомы. Стало быть, и мне не чужие. И вообще, тебе-то дело какое? Ну, сболтнула слуху. Что за привычка – прилипать к каждому слову?

– Как ты со мной разговариваешь? Мы-то с тобой точно близкие люди!

– Серьезно? А скажи, к примеру, вот я завтра исчезаю бесследно, и никто не знает, где я. Ты что сделаешь?

– Что за вопрос? Искать буду, конечно.

– Поищешь – и не найдешь, тогда что?

– Обращусь к профессионалам.

– А вдруг и они не найдут или найдут слишком поздно? То есть медицина бессильна. Что ты сделаешь?

– Слушай, это ненормальные предположения и ненормальный вопрос. На него никто не сможет ответить. А что ты, собственно, узнать хочешь?

– Да так, ничего. – Надя залпом выпила полстакана виски. – Удавишься с горя или нет? Спорить готова, что нет.

– Как быстро ты напилась. А я-то рассчитывал на хороший спокойный вечер.
– Не вышло у тебя ничего, расчетливый ты мой. Давай-ка я тебя провожу, и тогда у каждого из нас будет спокойный вечер.

* * *

Чернота, в которой растворялось Олино дыхание, теперь называлась сном. Но проснулась она необычно. Кто-то дышал рядом, прижимая ее к себе. Она попыталась освободиться и по запаху узнала своего тюремщика.

– Это вы? – в ужасе спросила она. – Но зачем вы это делаете? Отпустите меня. Мне нечем дышать.

– Расслабься. Все будет хорошо.

Ничего более отвратительного и страшного, чем то, что произошло потом, в жизни Оли не было. Омерзительный человек, который издавал какие-то звуки удовольствия, насилие, замкнутое пространство, из которого ни один крик о помощи не дойдет до людей. Собственное бессилие. Отчаяние и ужас.

Потом, когда он ушел, она с трудом добрела до бочки с водой, из последних сил попыталась смыть с себя следы чудовищного преступления против ее нежной женской сути, доползла обратно, свернувшись плотным клубочком и впервые заплакала. Теперь она не просто жертва маньяка, она навсегда испачкана, ей никогда не оправдаться перед Никитой. Господи, она позволила себе вспомнить Никиту! Неужели надеется выжить и увидеть его? Увидеть. Вновь испытать счастье. Если бы она что-то придумала, если бы она освободилась... Она бы даже не подошла к нему. Она бы смотрела, как он идет, а потом опустила бы на колени и гладила его следы. Даже старое одеяло под ней было мокрым от слез. Но они помогли ей уснуть, увидеть настоящий сон. Никита поднимал ее своими сильными руками и шептал на ухо: «Олечка, девочка моя, девочка-припевочка».

Когда Оля проснулась утром, перед ней стоял Виктор.

– Назови меня по имени, – потребовал он.

– Вася, – спокойно сказала она.

Он наклонился и поцеловал ее в губы, она скрыла отвращение.

– Я принес тебе молока, хлеба, яблоко. Поешь.

Оля кивнула. У нее появилась тайна. Здесь и сейчас она узнала ненависть. Она попробует выжить. Она поняла в эту ночь, что дорога этому подонку, как любимая игрушка. Она решила отобрать себя у него. Только бы сил немного набраться.

* * *

Никита, как всегда во сне, звал Олю. Лена погладила его по лбу. Он уже не такой неподвижный и бледный. Немного ест, иногда даже улыбается. Нужно попросить врача, чтобы его оставили в отдельной палате, она уже взяла отпуск за свой счет и могла бы его выхаживать. Только как это все делается... с деньгами? Как их предлагают? Сколько? А если откажутся? Это же муниципальная больница.

После утреннего обхода завотделением кивнул Лене:

– Давайте выйдем.

– Я хотела вам сказать... – начала Лена в коридоре.

– Потом, – прервал ее доктор. – Состояние вашего сына сейчас можно определить как средней тяжести. Сегодня будем переводить в общую палату.

– Доктор, а не переводить нельзя? Он морально очень подавлен. Я же говорила, горе у него, а там люди незнакомые.

– Нет, нельзя. У нас много таких больных.

– Подождите, пожалуйста, вот, посмотрите, не знаю, сколько это стоит, но нам помогли.

Лена потянула на ладонях всю пачку денег, которую привезла Надя. Врач поднял брови.

– Хорошо, оставайтесь на коммерческой основе. Потом оформим.

Врач взял немалую часть купюр и положил в карман халата. В это время из лифта вышла Надя и радостно бросилась к Лене:

– Как дела? Что врачи говорят? Я вот фрукты, соки привезла, икру черную. Доктор, ему можно?

– Вне всякого сомнения. При таком уходе наши прогнозы, пожалуй, можно скорректировать в лучшую сторону.

– У вас были плохие прогнозы? – снисходительно осведомилась Надя.

– Реальные. А у вас, девушка, не имею чести знать имени?

– У меня плохих прогнозов не бывает. У меня или врачи никудышные, или денег им мало дали. Лена, вы расплатились за лечение?

– Я... Мы с врачом этот вопрос сейчас решали.

– Теперь врачу нужно решать только один вопрос: как Никиту с этой паршивой койки поднять. Я, конечно, не медик, но мне так кажется. Извините, что вмешалась в разговор. Пойду в палату.

Никита удивленно смотрел, как деловито раскладывает на его тумбочке продукты высокая девушка с прямыми каштановыми волосами. Определенно, он ее уже здесь видел.

– Удивляешься? – перехватила его взгляд Надя. – На всякий случай объясняю: я – не мать Тереза. Я просто дочь школьной подружки твоей мамы.

– Но у мамы нет подружки с такой дочерью.

– Еле дышит, а уже такой умный. Значит, я дочь подруги коллеги твоей матери. А вообще, тебе не все равно?

– Не знаю. Может, и так. Как тебя зовут?

– Надежда. А тебя Никита, чтобы ты не напрягался попусту. Я тебе не помешала?

– Да нет. Как мне можно помешать?

– Может, ты один страдать хочешь?

– Круто. Нет, ничего, я найду время. Ты, я вижу, в курсе.

* * *

Вера Михайловна прогуливалась вечером у дома Оли, внимательно поглядывая по сторонам, сама не зная, что хочет увидеть. Она прошла мимо уже знакомой группы ребят на детской площадке.

– Да вот она, – вдруг услышала она за спиной и оглянулась.

Мальчишки смотрели на нее, потом кто-то вытолкнул вперед паренька лет двенадцати.

– Говори, что ты тогда видел, – велел мальчик постарше.

– Да ничего такого, – почему-то сразу заныл паренек. – Если вы Ольку из этого дома ищите, то я видел, как она от Никиты своего шла. Неделью, что ль, назад. Ее позвали к машине такой старой, зеленой. Она пошла. Мы в подъезде одном живем. Я зашел, а она нет. Я еще подождал, лифт не вызывал, а она не пришла. Ну, я домой поехал. И все.

– Мальчик, – взволнованно сказала Вера Михайловна, – ты сможешь это рассказать в милиции?

– Нет, – решительно сказал единственный свидетель. – В ментовку не пойду.

– Ну, может, мы попросим следователя к тебе приехать?

– Да вы что? Да пошли вы все!

Парень стремительно сорвался с места и скрылся из виду.

– Он всегда такой трус, – задумчиво объяснил кто-то из ребячьей компании.

Глава 5

Виктор Николаевич прохаживался по вестибюлю супермаркета, смотрел по сторонам, и никто бы не догадался, как далеко сейчас его мысли. Он вспоминал в деталях прошедшую ночь. Нежное, сладкое существо в его объятиях, радость обладания и... дрожь, которую трудно с чем-то перепутать. Это не испуг, не волнение. Это отвращение. Что же делать? Ждать, пока привыкнет? Заставить как-то, чтоб притворялась осчастливленной? Она совсем не так проста. Боится его, боли, темноты, насилия, но он чувствует в этой хрупкой девочке стальной стержень. Просто так она ни с чем не смирится. А что значит не просто так? Как найти к ней ключ?

Свой погреб он строил долго, тайно, самому себе не признавался, зачем. Что-то не то с ним было с самого детства, когда он разглядывал девочек только тайком, из укрытия, не решаясь ни подойти, ни заговорить, как другие мальчики. Девочки казались ему не такими людьми, как он. Они были заносчивыми, болтливыми, шумными и соблазнительными. Они раздражали его, пугали и притягивали. Одноклассницы, видимо, что-то чувствовали. Он не был уродливым, слабым, самым глупым, но девочки обходили его, как грязную лужу. Они даже не смеялись над ним, как над другими сверстниками, с которыми, впрочем, рано или поздно начинали ходить в кино и целоваться в темном зале. Он был никому не нужен, кроме странной, вечно удрученной и погруженной в свои мысли матери. Об отце в их маленькой семье речи никогда не заходило.

Первый взрослый опыт с проституткой привел к главному выводу: это ему не подходит. Доступность и профессионализм партнерши не просто не доставили ему радости. Он ушел от нее оскверненным и обозленным, чувствуя, как в затылок ему дышит следующий из очереди. Наверное, тогда и родилась идея такого укрытия, в котором непонятное и необходимое существо никуда не денется, принадлежа только ему.

Первую девушку Виктор привел без насилия. Она слонялась у вокзала и, видимо, не знала, где переночевать. Он не любил вспоминать ту историю. Когда его волнение прошло, он увидел, что девушка некрасива, желания не вызывает. Но дело было сделано. Выпускать ее нельзя. Она протестовала только первое время, потом быстро сломалась, опустилась, одичала, стала обузой. Когда он заметил, что у нее растет живот, всерьез задумался об убийстве. Но не решился. Пришел час родов, и он просто запер ее и не появлялся в погребе неделю. Когда пришел, по запаху понял, что все кончилось. Пленница была мертва не первый день, а в черной застывшей кляксе ее крови, скорчившись, лежал личиком вниз захлебнувшийся, задохнувшийся ребенок. Свою первую семью Виктор завернул в простыню, отвез в лесополосу и зарыл, даже не посмотрев – сын у него родился или дочь. Потом долго, тщательно отмывал погреб, заново обшивал вагонкой. Думал, все. Не получилось – не станет больше пытаться.

Но однажды в магазине увидел Олю. Она стала для него навязчивым видением. Он мечтал о ней, как ребенок о лучшей на свете игрушке. И как взрослый человек с изуродованным умом и сердцем готовил похищение. Следил, продумывая каждую деталь. Все прошло как по нотам. Но возникла другая проблема: его она ненавидит, а ему слишком нравится. Проблему нужно решить. Эта девочка ему нужна.

Виктор Николаевич остановился у витрины, выходящей на автостоянку. Что это? Опять старуха! Надела очки и рассматривает машины. Что за напасть!

* * *

Вера Михайловна с большим трудом пробилась к следователю районного отделения милиции, который открыл дело об исчезновении Ольги Волоховой. Он смотрел на нее нетерпеливо и невнимательно:

– Соседка? Знаете, если к нам все соседи по поводу происшествий станут приходить, нам работать некогда будет.

– К вам по поводу Оленьки приходило много соседей? – мягко спросила Вера Михайловна. – Мне кажется, проблема состоит как раз в том, что вы свидетелей не нашли. А у меня есть кое-какая информация.

– Знаете, мы сами как-нибудь разберемся. Но раз пришли – рассказывайте в темпе, что у вас там.

Вера Михайловна рассказала о мальчике, который примерно в час похищения видел, как Олю кто-то позвал к старой зеленой машине.

– Это, по-вашему, информация? А по-моему, потеря моего времени. Что значит – «старая зеленая» машина? Что значит – примерно в час похищения? Да эти мальчишки от нечего делать такого нам напридумывают... И вы, взрослый человек, с такой ерундой пришли меня отвлекать?

– Вы знаете, это может оказаться совсем не ерундой. Это просто безответственно – взять и отмахнуться. Я могу уговорить мальчика прийти к вам. Может, вам тогда станет ясно, о какой машине идет речь? Я ведь в этом не разбираюсь.

– Не разбираетесь – не лезьте в следствие. Еще нам не хватало сопляков сюда таскать.

– Вы не правы, – постаралась ровно произнести Вера Михайловна, хотя сердце билось уже тяжело и больно. – Может быть, мне удастся заинтересовать кого-нибудь другого. Речь ведь идет о человеческой жизни.

– Давайте без проповедей, ладно? Мне некогда.

Из милиции Вера Михайловна вышла в полном отчаянии. К кому обращаться? Кому не все равно, что пропал человек?

Она стала вспоминать всех своих бывших учеников, но была слишком взволнованна, чтобы сосредоточиться. Дошла до супермаркета и остановилась. Кто-то знал, что по вечерам Оля выходит из дома Никиты и заходит в свой. Лучшего обзора, чем отсюда, нет. «Старая, зеленая машина». Для следователя это не информация, а для нее – в самый раз. Вера Михайловна задумчиво посмотрела на автостоянку у магазина. Потом подошла поближе. Есть зеленые, есть старые, а старых и зеленых не так уж много. Она вынула из сумочки очки и стала внимательно разглядывать чужие автомобили.

* * *

Мария, мама Оли, все дни и ночи ее отсутствия лежала на диване и смотрела на телефон. Что-то должно наконец измениться. Так не бывает: девочка исчезла, и никто вроде бы ее не ищет, хотя Мария написала заявление. Никто ее никуда не вызывает, ни о чем не спрашивает. В последнее время даже Никита и Лена не появляются. Мария сама никому не звонила: она оцепенела, будучи не в состоянии поверить, что с ними случилось такое несчастье. Только сегодня вспомнила об Олеге, отце Оли, с которым они развелись десять лет назад. Ей пришлось найти старую записную книжку, потому что его телефоны она забыла. Позвонив Олегу в его фирму, сказала секретарше: «Скажите, это по поводу его дочери, Оли». Соединили сразу.

– Что-то случилось? – спросил Олег.

– Что-то ужасное, кажется, – ответила Мария. – Оля пропала десять дней назад.

– Ты заявляла?

– Да.

– И что?

– Ни-че-го, – ответила она по слогам и положила трубку.

Олег примчался через двадцать минут. Они молча сидели друг перед другом и не знали, что говорить.

– Я схожу в милицию, – наконец произнес Олег.

– Сходи, – ответила она совсем безнадежно.

В прихожей взглянула в его большие голубые, как у Оли, глаза и тихо заплакала. Он несмело погладил ее по плечу и тоже вытер вдруг пролившиеся слезы.

У подъезда Олег остановился и достал телефон. Кого в таких случаях ищут? О какой помощи просят? Он набрал телефон приятеля, известного своей коммуникабельностью: у того знакомые имелись, наверно, даже в космическом центре. Тем более Игорь работал когда-то в газете. В последние годы Олег как-то подзабыл о нем. Но мобильный телефон остался прежним. Раздался бодрый голос человека, всегда работающего на публику.

– Игорь, это Олег Волохов. Не забыл?

– Дорогой мой, феноменальная память – это навсегда. А куда ты пропал?

– Да не пропадал я. Все там же, все так же.

– У меня есть минут пять. Рассказывай. Ты же не просто так позвонил среди рабочего дня?

– Не просто, Игорек. Беда у меня большая. Дочка пропала. Исчезла десять дней назад около своего подъезда. У Марии в милиции заявление приняли, но ей кажется, они не ищут.

– Дочка от Марии, от первого брака?

– Да. Оленька. Во втором браке у меня сын.

– Помню-помню, чудесное дитя. Такой цветочек. Сейчас уже, конечно, девушка. Была. Ой, извини. Замотался, вот и брякнул.

– Да, Оле сейчас восемнадцать лет.

– Что же делать, что же делать? Плохо, что время упущено.

– Да мне Мария только сегодня сообщила. Представляешь, в каком она трансе!

– Даже не представляю. Ужас и кошмар. Но ты же знаешь, безвыходных ситуаций не бывает. Правда, сейчас у меня эфир. Кстати, ты знаешь, что я теперь телеведущий? Видел мои передачи?

– Нет, извини. Как-то не до телевизора.

– Понятно. Все уладится, посмотришь. Слушай, а давай для начала я Олину фотку в эфире покажу! И пару гениальных фраз добавлю. Ты не представляешь, как это действенно.

– Да! Какая разумная и совершенно неожиданная для меня мысль! Сейчас вернусь к Марии, возьму последние фотографии и к тебе. Как и где тебя найти?

– В Останкино, разумеется. Я пропуск для тебя закажу, ты получишь, позвонишь по телефону Горохова, за тобой спустится девочка. Или мальчик. Я к этому времени освобожусь и пороюсь в архиве своей памяти. Тут главное – нужные люди. Я найду.

– Не знаю, как тебя благодарить.

– Не знаешь – не благодари. Тем более пока не за что.

* * *

Отдаваться Марку – как незрелую малину с куста есть. Быстро, несладко, но и не противно. Бывает хуже. Бывает намного хуже – столько водки в себя не вольешь.

Надя выскользнула из-под алой шелковой простыни, подошла к огромному зеркалу, принялась внимательно изучать себя. Все, что нужно, подтянуто, где нужно, подкачано, кожа неж-

ная, ухоженная, волосы в порядке. Стыдиться нечего. Она повернулась и пристально посмотрела на Марка. Узкая безволосая грудь, животик проглядывает, лицо... Черт его знает, как описать его лицо. Никак. Нет в нем ничего запоминающегося. Как она его только узнает?

Так. Спокойно. Никакого повода для раздражения. И не нужно вспоминать Никиту, подумала она, и его лицо тут же возникло перед ней. Ну и что хорошего в подобной красоте? Что ждет девушку рядом с парнем, на которого любая кочерга повесится?

Надя накинула пеньюар и вернулась к изучению собственной внешности. А что? Если ей придать нужный шик и блеск, то такой красивый парень, как Никита, ее только украсит. Она представила себе охмелевших посетителей клуба, по которому они с Никитой идут, как боги. Опять раздражение. Ну что привязалась к этому несчастному парню? Он сейчас просто калека, а по жизни обычный неврастеник, который не смог пережить исчезновение невесты. Может, она была для него не такой уж любимой, пока не исчезла. А если именно такой? Интересно все же, какой? Допустим, была любимой, но больше не вернется, что скорее всего. Надя иногда смотрела криминальные передачи по телевизору. Так что, он жить не сможет? Пить? Есть? Путешествовать по разным странам? Надя повезла бы его в какую-нибудь теплую страну для реабилитации. Мама же им помогает, а Надя помогла бы умнее, продуманнее. Он ведь ничего не видел. Он просто не знает, как весело бывает жить. Если понимаешь, что потери нужно забывать, иначе из депрессии не вылезешь.

– Ты проснулась, дорогая? – Марк открыл маленькие карие глазки.

– Сплю, – Надя вернулась в кровать и повернулась к нему спиной. – Не мешай мне досматривать сон.

Глава 6

– Вот! – торжествующе сказал Игорь Горохов унылому Олегу. – Сергей Кольцов, бывший следователь Генеральной прокуратуры, сейчас частный детектив. Парень что надо. Сейчас мы его и найдем. Это с государственными следаками – что говори, что бейся головой об стенку. А частного сыщика ноги кормят.

Он набрал телефон:

– Здравствуй, Сережа! Надеюсь, звездам телеэкрана не нужно тебе представляться? Я, собственной персоной. Передачи мои смотришь? И ты не смотришь? Свиньи вы все. Я так понимаю, что, кроме меня, по телику смотреть нечего и нужно для друга время находить. Да, милый. Вот так. Слушай, а я по делу. Тут у меня сидит Олег Волохов, мы, кажется, соображали однажды на троих. Увидишь – узнаешь. Так вот, помощь ему твоя нужна. Беда у него большая. Очень занят? Сложное дело? Слушай, мне так участковый мент мог бы ответить. А тебе я как человеку звоню. Когда ему приехать? Ладно, даю твой телефон, вы договариваетесь. Я со своей стороны тоже меры приму. Облегчу тебе задачу. – Он положил трубку. – В общем, ты слышал, Олежек. Звони через пятнадцать минут, плюй на разговоры про занятость. Человек он порядочный, трех шкур с тебя не сдерет. Я знаю, что он одной бабушке помогал икону найти и вообще ничего с нее не взял. Фотографию привез? Ни фиги себе красotka получилась! К такой охрану приставлять надо было. Ладно, извини. Ты ж меня знаешь: ради красного словца... Девка на самом деле красивая. Боюсь, это уменьшает возможность случайного исчезновения.

– Никто не верит в случайность, – горько сказал Олег. – Она вышла из дома своего парня, должна была перейти дорогу и войти в свой подъезд. И не пришла. Она за всю свою жизнь никуда не опаздывала.

– Что ж за парень такой лопух?

– Он не лопух. Хороший парень. Любит ее очень. Но она столько раз от него уходила и домой через пять минут приходила, что кому в голову придет... Он вообще-то убить себя после этого хотел. Почти получилось. Сейчас его вытаскивают в больницу.

– Нашел время. Искать надо было.

– Как, Игорь? Он искал, но никто ничего не видел. Он и решил, что... все.

– Ты теперь только не вздумай тоже так решить. Никогда не все. Люди из таких ситуаций выбираются, а тут еще мы возьмемся. У Сережки в каждом отделении милиции свои люди. Ты руки-то не опускай.

– Трудно это осознать, Игорь. Но спасибо тебе большое.

* * *

Виктор купил в своем магазине коробочку с дорогим салатом с креветками, нарезку хорошего мяса со слезой, отборные груши и бутылку красного вина. Ничего подобного они с матерью сроду не ели. Но девчонку нужно вытаскивать. Ей уже есть трудно. Не врача же к ней вызывать. Он, не заходя домой, остался в гараже, спустился в погреб. Оля лежала, тоскливо смотрела в низкий потолок и не повернула к нему головы.

– Слушай, – присел рядом Виктор. – Я не хочу, чтоб ты померла. Я даже не хочу, чтоб ты болела. Тебе нужно хорошо есть. Красное вино, говорят, здорово помогает от всяких там... малокровий. Я принес.

– Зачем? – слабо улыбнулась Оля. – Зачем вам нужно мое здоровье?

– Это мое дело – зачем да почему. Но ты сейчас поешь.

– Вы же знаете, у меня не получается.

– Я такие вкусности принес! Сначала глотни вина. Потом отдохни. А потом, знаешь, само пойдет.

– Вы такие эксперименты уже проводили с девушками в этом погребе?

– Не проводил. Никаких девушек. Просто понравилась ты мне.

– Если бы все так выражали свои чувства, женщины жили бы в концлагере. Каждый человек кому-то нравится.

– Ерунду ты порешь. Я жду, когда ты привыкнешь. Ну, чтоб не сбежала.

– А милиции вы не боитесь?

– При чем тут милиция? Ты захотела у меня пожить, спрятаться от этого верзилы, который всегда за тобой таскается.

– Это я за ним таскаюсь. Я люблю его. Он убьет вас, если найдет.

– Не найдет. В общем, так. Или ты ешь, или я силой в тебя все это заталкиваю.

– Не надо. Я буду есть.

Оля проглотила пару глотков вина из кружки. У нее сразу закружилась голова. Но она решительно взяла коробочку с салатом, отломала кусочек мягкого хлеба. Еда была вкусной, но утомляла, как тяжелый труд. Оля заставила себя съесть кусочек мяса. Вдруг почувствовала голод, но поняла, что больше есть нельзя.

– Мне нужно полежать, – сказала она. – Вы это оставьте, я доем потом.

– Я домой сбегаю и опять к тебе спущусь, – поднялся Виктор и встретил прямой взгляд голубых глаз, потемневших от ненависти.

Он выбирался из подвала с плотно стиснутыми зубами. Он может на куски себя порезать, но ее ненависти от этого меньше не станет. А у него рука больше не поднимется, чтобы ударить ее.

* * *

– Не буду скрывать, – сказал Сергей голубоглазому подавленному мужчине. – Время, конечно, здорово упущено. Если похищение происходило на улице, нет следов ни машины, ни обуви. Кроме того, мы не можем исключать, что ее просто сбили. И увезли в другое место.

– Вы считаете, что ее, может, больше нет в живых? – сдавленным голосом спросил Олег.

– Во время поисков ничего не исключают. Человек может пить где-то на даче с друзьями, а его нужно искать по полной программе: в моргах, больницах. Кстати, вы или милиция там искали?

– Вы знаете, я разведен с женой. Она мне обо всем рассказала только сейчас. Забыла она про меня в таком состоянии. Парень Оли, я знаю, разыскивал, но, по-моему, только тех, кто видел ее в тот вечер. Короче, он сам не вынес и пытался покончить с собой. Сейчас его вытаскивают. Просто Ромео и Джульетта.

– А не могла она от такой любви с кем-то другим...

– Нет. Он для нее – все.

– Снимок принесли?

– Конечно. Я еще один Игорю Горохову оставил. Он собирается дать объявление об Олином исчезновении в эфире. Может, поможет?

– Вполне возможно. Испугать похитителя, правда, тоже может. К сожалению. Но пытаться нужно. А вы не спросили у жены, Олю никто не преследовал?

– Об этом речи быть не могло. У них большая любовь с Никитой. Он парень сильный, крупный, одну ее редко оставлял. Никто бы не решился.

– Открыто – да. Но возможны варианты. – Сергей взял снимок. – О! Красавица какая. Таковую не заметить нельзя. В общем, я обращусь к операм из разных отделений для начала.

Надеемся на лучшее, но начинаем с неопознанных трупов. Извините. Просто приглашать будем не мать, конечно, и не возлюбленного, который с жизнью собирался расстаться, а вас. Как вы?

– Ужасно. Но буду вести себя в рамках.

– Я надеюсь на лучшее. Знаете, таких девушек сразу не убивают. – Олег вздрогнул. – О господи, простите еще раз и поймите – срабатывает профессиональный багаж похожих историй. И немного интуиции. Мне кажется, мы ее найдем.

– Если вы... Если вы найдете Оленьку, я ваш человек навсегда.

* * *

Под наблюдением энергичной незнакомки Никита проглотил несколько ложечек черной икры, съел кусочек ананаса и хотел только одного: чтобы его настойчивая посетительница, которая даже маму вытеснила из палаты, наконец ушла. Она рассказывала ему о лучших курортах мира, о том, что происходит по ночам в элитных клубах, небрежно называла имена, которые он слышал только по телевизору, и пристально смотрела серыми глазами, в которых чувствовались сила и терпение. Она не раздражала его, уже не казалась совсем чужим человеком. Он даже поверил в ее доброжелательность. Но она мешала ему думать об Оле. Чувствовать Олю. Спать и видеть сны об Оле. Это страстное желание постоянно принадлежать Оле он считал своей надеждой. Значит, она есть. Значит, пройдет время и она найдется.

Надя видела в прекрасных карих глазах другую – пропавшую девчонку, по которой он сходит с ума. Но она умела ждать, и у нее был очень реалистичный взгляд на вещи. Так бесследно и надолго не пропадают, чтобы потом чудом появиться.

– Знаешь, что я тебе скажу, – решительно произнесла она. – Если ты не начнешь думать о себе – только о себе, – ты проваляешься в этой больнице бог знает сколько. Перестань себя травить. У тебя очень выразительное лицо. Я все вижу. Как ты будешь искать свою Олю, если у тебя руки ложку не держат? Я прихожу сюда каждый день потому, что меня потрясла ваша история. Я хочу помочь. Для начала – тебя на ноги поставить. Ты же не думаешь, что я по тебе сохну?

– Да чего тут... – поморщился Никита.

– А я сохну. – Надя прямым, долгим взглядом посмотрела в глубокие карие глаза. – Вот лежишь ты тут такой дохлый, а я смотрю и думаю: лучше никого нет.

– Ты что? – Взгляд Никиты стал испуганным. – Зачем ты? Не приходи больше.

– Приду. Завтра, – властно сказала Надя и быстро вышла из палаты.

Глава 7

Вера Михайловна подошла к рабочим супермаркета, которые что-то выгружали из машины.

– Вы не поможете мне, ребята? – попросила она печально. – Может, знаете, кто на этой машине ездит – на старой, зеленой?

– А вам это зачем? Это транспорт персонала.

– Я потому и спрашиваю.

– Ну, и зачем вам? – грубо спросил черноволосый парень.

– Понимаете, такая машина моего внука чуть не сбила. Он упал, джинсы порвал, ранец разлетелся. Я хотела с хозяином поговорить. Мы с внуком вдвоем живем. Нам помочь некому.

– Перепутали вы, бабуля. Это другая машина, – вмешался парень со светлыми волосами. – На этой наш охранник ездит. А он не ездит, а ползает, как черепаха. Больно за свою телегу переживает. Не мог он никого сбить.

– Наверное, я перепутала. Мне восьмой десяток. Но поговорить-то я с владельцем этой машины могу?

– А кто ж вам запретит? Пожалуйста. Он сейчас работает. Виктор Николаевич его зовут. Но вы не особо наезжайте. Он у нас пугливый.

Когда Виктор увидел, что к нему направляется Вера Михайловна, руки его непроизвольно сжались в кулаки. Она улыбнулась ему, он не ответил на приветствие.

– Вы уж меня простите. Надоела я вам, конечно. Но, понимаете, есть мальчик, который видел вашу машину у дома Оли Волоховой в тот вечер, когда она пропала.

– Что за мальчика вы такого отыскиали?

– Ну, это сейчас неважно. Скорее всего, это недоразумение, ошибка, но, мне кажется, лучше всего это разрешить с помощью следователя, который ведет дело. Он во всем разберется, проведет еще какую-нибудь экспертизу. Я вас прошу, не отказывайтесь. Речь идет о человеческой жизни. Отпадет версия с вашей машиной, они начнут искать другие обстоятельства. Вы меня понимаете?

– Я вас очень хорошо понимаю, – сказал Виктор голосом, от которого менее доброжелательный человек, чем Вера Михайловна, содрогнулся бы. – Я понимаю, что вы решили от меня не отставать. Хорошо. Мы закрываемся в десять. Ждите меня у машины.

* * *

В клубе, где работала мужская стрипгруппа, Надя с Марком сидели уже несколько часов. Она напивалась и холодным взглядом разглядывала стриптизеров.

– Может, потанцуем? – терпеливо спросил Марк.

Надя молча посмотрела на него, сбросила под столом туфли и пошла на сцену. Полуголые мускулистые ребята обрадовались. Через пару минут она была облеплена накачанными телами, один даже прилег ей под ноги. Она уже сидела на стуле и покачивалась в такт музыке. Кто-то спустил ей бретельки на платье, кто-то раздвинул разрез на подоле. В зале раздались аплодисменты. Она посмотрела на парней и притянула одного из них прямо за стринги – ничего другого на нем не было. Он широко улыбнулся, показав искусственные зубы, постарался сделать страстным взгляд невыразительных глаз. Надя резко встала.

– Я пришла вам кое-что сказать. Знаете, где цены бы вам не было? На рынке, в мясном ряду.

Затем она быстро вернулась за свой столик. Марк, похоже, был доволен результатом ее выступления.

– Чего лыбишься? – спросила она грубо. – Если завтра твой папа разорится, а ты не успеешь на мне жениться, тебя даже в такое стадо ни в жизнь не возьмут. Стринги не на чем держать.

Они встали, без единого слова дошли до его машины и безмолвно расстались у ее ворот. Проходя в свою комнату, она захватила из бара бутылку виски. Упала на кровать и пила, пока мозг не перестал против чего-то протестовать и за что-то бороться.

* * *

В десять часов вечера было уже темно и холодно: необычная погода для сентября. Виктор Николаевич опаздывал уже на тридцать минут. Осталась только его машина. Вера Михайловна стойко ждала, хотя от холода у нее онемели руки, замерзли ноги, и тонкий плащ не согревал, пропуская холодный ветер.

– Ждете? – услышала она вдруг за спиной.

– Да, конечно, Виктор Николаевич.

– Садитесь в машину. Нам тут нельзя долго стоять. По дороге поговорим.

– Вы меня к дому подвезете? – обрадовалась Вера Михайловна.

– К дому.

Он долго молчал. Потом спросил:

– Так что за мальчонка-то вам что-то сказал?

– Петя Соколов. В одном доме с Олей живет. Ой, мы, кажется, мой дом проехали.

– Ничего. Я сейчас на минутку перелезу на заднее сиденье, куртку возьму, и вернемся.

Ночью тело пожилой женщины было найдено почти у Кольцевой дороги. Его заметил поздний водитель. Он вызвал «Скорую», врач перевернул женщину и обнаружил, что у нее проломлен череп. В больнице при ней не нашли ни документов, ни мобильного телефона, ни ключей. Только сестра-хозяйка, которая проверяла карманы и ничего не обнаружилось, вдруг почувствовала что-то твердое в широком манжете плаща. Там была социальная карточка москвича. Вера Михайловна постоянно забывала ее в магазинах, вот и придумала необычное место, о котором не забудешь.

В это время она уже лежала на операционном столе.

Утром у школы, где учился Петя Соколов, ребята нашли мальчика лежащим под забором. Они побежали за взрослыми, приехала «Скорая», но ребенка спасти не удалось. Он умер от потери крови после удара тяжелым предметом по голове.

* * *

Оля проснулась и съела все, что принес Виктор. Затем встала и походила по узкой темнице. Если она будет есть, если придумает, как тренировать руки и ноги, у нее появится шанс. А вдруг сумеет справиться с этим безумцем, который по ночам просит называть его Васей? Это значит, что его зовут как-то иначе, он просто боится быть узнанным. Оля нашла в углу осколок кирпича и по тому, каким тяжелым он ей показался, почувствовала, насколько ослабела. Она была хрупкой, нежной девочкой, но всегда занималась гимнастикой, быстро бегала, высоко прыгала. По физкультуре у нее были одни пятерки. Природа подарила ей силы, которые необходимо вернуть. Но не вступать же ей в схватку со взрослым мужчиной? Значит, его нужно обмануть. Как? Похоже, выбора нет: сделать вид, что она к нему привыкла. Да, это значит каждую минуту, проведенную с ним, истязать себя. Да, это значит предавать Никиту. Но как иначе? Жить здесь до старости? Содрогаться от каждого звука и, самое страшное, терпеть

прикосновения, которые для нее страшнее смерти? Нет, лучше сама смерть. Она попробует все. Она вывернет себя наизнанку, чтобы он поверил в то, чего нет. И если ничего не получится, она убьет его. В одну ночь слабая, влюбленная девочка стала опасной женщиной. Настолько опасной, что Васе-Виктору ничего не осталось, как поверить в обратное. Он должен утратить свою звериную настороженность, чтобы попасть в ловушку, приготовленную для собственной жертвы.

В замке заскрипел ключ, и Оля быстро легла на свое место. Она сделала вид, что спит, но сквозь ресницы разглядывала его. Он чем-то взволнован или испуган. У него что-то случилось. Он походил по погребу, набрал полную кружку воды из бочки и жадно выпил. На старую тумбочку у ее доски он поставил пакет с едой. Может, сегодня не будет приставать? Но он притянул ее дрожащими руками, спрятал лицо в ее волосах. Она сделала вид, что проснулась. Потянулась, сказала уверенно:

– Подожди. Я есть хочу.

Он улыбнулся. Она выпила целый пакет молока, съела две булочки с ванилью. Затем заметила нарезку сыра и растягивала его как можно дольше. Но еда кончилась.

– Я хочу горячего, – сказала Оля.

– Завтра принесу, – с готовностью ответил он, уже раздеваясь.

Она ни разу не открыла глаза, но и оттолкнуть его не пыталась. Когда все кончилось, небрежно спросила:

– А как тебя на самом деле зовут?

– Виктор, – ответил он не сразу. – А почему ты спросила?

– Вася тебе не подходит, – сказала Оля, повернулась на бок и очень ровно задышала. Она становилась актрисой.

Глава 8

Утром Лену окликнула соседка.

– Знаешь, что Вера Михайловна исчезла?

– Как это?

– Да вот дома не ночевала. Пошла вечером вроде в магазин, перед сном, как обычно делала, мне не позвонила. А у меня ключ от ее квартиры. Я зашла утром с консержкой, а там – никого. Постель не разобрана.

– А вы в милицию заявили?

– Да заявили! Там приколист такой сидит. Говорит, может, у вас инопланетяне всех похищают. Но ты не знаешь самого страшного. Мальчика из этого дома, Петю Соколова, убили прямо возле школы. Вот тебе и инопланетяне!

– Убили?!

– Да. Чем-то по голове ударили, он от потери крови скончался. Врачи так сказали.

– Господи боже мой! Что же делать?

– Родители Пети милицию осаждают, мы больницы обзваниваем. Может, Вере Михайловне просто плохо на улице стало. У нее сердце-то больное.

По дороге к Никите Лена судорожно соображала и решила все-таки ничего сыну не рассказывать. Он сам-то еще не выкарабкался, а тут такое. И все после того, как Оленька пропала. Никита, конечно, решит, что тут банда орудует или маньяк. Сделать ничего не сможет. Только хуже ему будет. Но если действительно банда? Маньяк? В страшном сне не привидится.

– Мама, – сразу спросил Никита, – скажи наконец, Олю ищут?

– Конечно, сынок, а как же! Заявление приняли. Все как полагается.

– Но они хоть что-то обнаружили? След? Улику?

– Может, и обнаружили. Ты же знаешь: у них тайна следствия. Неужели всем рассказывать будут?

– Я тебя прошу, сходи к Олиной маме. Может, ей что-то сказали.

– Схожу обязательно. А вот и Наденька к тебе пришла.

– Вижу.

– А я вот особой радости не вижу, – заметила Надя. – Но неважно. Не воспринимай, как претензию. Сейчас будем есть вкусные вещи, которые к тому же набиты витаминами.

– Я не хочу, – раздраженно сказал Никита. – Я уже весь набит этими вкусными вещами.

– Деточка, – вмешалась Лена, – зачем ты так разговариваешь? Надя ведь как лучше хочет, чтоб ты скорее выздоровел.

– Я знаю, – сухо проговорил Никита. – Извини, Надя. Тяжело все время, как бревно, лежать и чувствовать себя ни на что не способным.

– Очень правильная мысль. Сейчас к тебе придет лучший специалист по лечебной физкультуре. У него все бревна очень быстро начинают бегать и прыгать.

– Вот видишь... – растерянно проговорила Лена.

* * *

Олег позвонил по мобильному телефону Сергею:

– Это Волохов говорит. Слушай, Сережа, у нас такие дела...

– Что-то еще случилось?

– Не то слово. Одну пенсионерку из дома Оли нашли с пробитой головой, и мальчик, пятый класс, Петя Соколов, убит прямо у школы. Все они жили в том доме, что и Оля.

- Какие травмы у мальчика?
- Проломлен череп. Умер до «Скорой» от потери крови.
- Кого-то ограбили?
- Да не было у них ничего. Правда, у пенсионерки ни документов, ни ключей не оказалось. Запасные ключи были у соседки, в квартиру заходили – никаких изменений. Соседка почти ежедневно там бывала.
- Жива пенсионерка-то?
- Да. Чуть-чуть. После операции еще в себя не пришла.
- Ничего себе...
- Сережа, может, это банда какая-то? И Оля тоже у них?
- Если банда, то странная. Одно дело – красивая девушка, другое – старушка и ребенок. Банды грабят богатых. Какой мотив?
- Может, это обкурившиеся подростки?
- Это да. Понимаешь, предположить сейчас можно все, что угодно. Главное, чтобы профессионалы квалифицировали почерк нападавшего. Олю не нашли. На бабушку и на мальчика напали разные люди? Или есть что-то похожее? По удару это несложно определить.
- Ты знаешь, следователь у нас, по-моему, «не Копенгаген». К тому же служебного рвения не заметно. Со мной вообще не хочет общаться. Считает, что я от нечего делать интересуюсь разными преступлениями. Ты не мог бы как-то...
- Я бы как-то мог. Просто я сейчас в Новосибирске. Дело сложное, не на пару дней.
- Вот уж точно говорят: пришла беда – открывай ворота. Нашелся приличный человек, так ему в Новосибирск понадобилось.
- Работа, Олег. Я этим делом занимался до того, как ты ко мне обратился. Но не отчаивайся, я тебя прошу. Нет пока никаких оснований считать, что специалист по проламыванию черепов имеет отношение к исчезновению Оли. Мне даже страшно тебе говорить, но мне нужно еще недели две-три.
- Ты что?!
- Олег, я приеду и сразу найду человека, который по-настоящему начнет искать информацию. Продержись. Как там парень, который так спешил сбежать от земных трагедий?
- Ничего. Занимается лечебной физкультурой. Когда настроение поднимается, говорит, что землю перевернет в поисках Оли.
- Может, землю даже и не понадобится. Но спрашивать у каждого: что видел – что слышал – необходимо. Теперь нужно собирать информацию и по другим жертвам.
- Ты все-таки считаешь, что эти события связаны?
- Я считаю, что нужно искать.

* * *

Бабу Валю, как называли соседи мать Виктора, все считали придурковатой. Она сама подыгрывала им, прикидываясь глухой, слепой, хотя хорошо видела, слышала и многое замечала. Она знала про погреб сына. Она следила за ним, когда он выносил в белой простыне то, что могло быть только человеком. Мертвым человеком. В это утро она поднесла к окну куртку Виктора, в которой он всегда ходил на работу. Сегодня он почему-то надел старый плащ. Да, куртку пора бы постирать. Воротник, манжеты залоснились. А это что за бурое пятно? И еще одно? И еще?

Баба Валя не смогла бы ответить на вопрос, любит ли она сына. Просто привыкла. Хочет, чтобы их жизнь хотя бы казалась спокойной и приличной. Такой она и казалась. Но мать знала, что ее сын способен на все, после того как он вынес и положил в багажник нечто, завернутое в белую простыню.

Довольно долго все на самом деле было спокойно. Но теперь она каждую ночь слышит, как он украдкой уходит из дома. Возвращается под утро. У нее бессонница. Она вывернула карманы куртки и нашла чек на крупную сумму. Прочитала. Таких продуктов он никогда в дом не приносил. Что задумал на этот раз? Чем это кончится?

Когда-то она хотела внуков. Сейчас она хочет одного: чтоб Виктор не сотворил большой беды. Она хотела просто дожить свою жизнь и умереть, как человек. Она налила в ванную воду, добавила стиральный порошок и замочила куртку.

В магазине все только и говорили об убитом мальчике и недобитой старухе. У Виктора похолодело сердце, когда он узнал, что Вера Михайловна жива. Он разговорил какую-то ее соседку, узнал номер больницы и позвонил в хирургию.

– Жить-то она будет? – спросил он у сестры с бесконечной тревогой в голосе.

– Мы не можем пока ничего прогнозировать. Состояние очень тяжелое, – сказала ему сестра. – А вы кто ей будете?

– Сосед. Она одинокая, но мы все так за нее переживаем.

– Понятно. Только вы уж скажите другим соседям, чтоб нам каждые пять минут не звонили. Договаривайтесь между собой и звоните раз в день. Мы должны больных людей выхаживать.

– Хорошо. Обязательно, – ответил Виктор. И позвонил в этот день еще три раза. Ему везло: сестры подходили разные.

По поводу покушения на жизнь Веры Михайловны приходил к заведующему отделением совсем не тот следователь, который вел дело Оли Волоховой. Он поговорил о том о сем, прощаясь, заметил:

– Уверен, что ей голову проломили из-за трехсот-пятисот рублей. Кошелька-то не нашли, а у магазина была. Сейчас за сотню убьют.

– Вам виднее, – угрюмо сказал хирург, который много часов провел в операционной, восстанавливая кости черепа учительницы, когда-то учившей его сына.

* * *

Оля нашла в погребе старую, проржавевшую гантелю, часами поднимала ее то одной рукой, то другой. Затем какой-то проволокой стала прикручивать ее к ногам и поднимала их как можно выше. Эти упражнения она прекращала, лишь чувствуя, что теряет сознание от усталости. Она съедала все, что приносил Виктор, иногда даже разговаривала с ним. С одним не могла справиться: с его ночными визитами, объятиями, содроганиями страсти. Она боялась, что попытается его убить, не набрав достаточно сил. В своих бесконечных диалогах с самой собой она произносила это слово – «убийство», и оно не казалось ей чем-то немыслимым, невероятным. Ей, нежной, гуманной, любящей, еще ни разу в жизни не испытывавшей злобы. Значит, бывают такие обстоятельства, когда человек не может смириться с ролью жертвы.

Вот он идет. Поскольку еду он уже приносил, значит, наступила ночь. Оля быстро прыгнула на свою доску: теперь на ней лежал тонкий тюфяк, и укрывалась девушка старым войлочным одеялом.

Виктор страстно погладил ее лицо с плотно закрытыми глазами. Оля сделала вид, что проснулась. Он разделся и лег рядом. Ее тело протестовало, бунтовало, отторгало его, но она, сжав зубы, терпела. И вдруг вспомнила Никиту, его лицо, руки, ноги. Когда она таяла в его объятиях... Виктор что-то почувствовал. Он прижал ее так крепко, что она не могла дышать. Она открыла глаза и встретилась с его пристальным взглядом. Какая ужасная ошибка! Ему показалось, что она ответила на его страсть, и теперь он будет этого требовать всегда.

– Мне нечем дышать, – попыталась она освободиться. – Я целые сутки задыхаюсь в этой дыре.

– Если будешь себя вести, как сегодня, стану выводить тебя по ночам подышать, – великодушно пообещал он.

Оказаться на улице? Она же может от него убежать! Сердце Оли забилося легче и быстрее.

Глава 9

Никита вернулся из больницы домой, и собственная квартира показалась ему чужой: сюда больше не приходит Оля. Он позвонил ее маме. Мария сказала, что из милиции новостей нет. Олин отец нанял частного детектива, но тот пока в отъезде – занимается другим делом. Никита почувствовал себя полностью раздавленным. Он не может нанять другого сыщика. У него нет денег, связей, у него была только Оля, и он ее потерял. Он пробормотал Марии слова надежды и стал нервно ходить по комнате. Надежда! Надя! Она готова возить его по миру, а ему нужен только детектив! Он набрал номер.

– Никита? – сразу узнала и очень удивилась она.

– Да, здравствуй. Нам бы поговорить.

– Говори свой адрес, я сейчас приеду.

– Да что ты! Я сам. Скажи, куда.

– Ты что, забыл? Врач велел тебе как минимум неделю сидеть дома. Я буду возить тебя на лечебную физкультуру и консультации к психологу.

– Да ты что! Ни в коем случае!

– Никита, о таком не напоминают, но если бы не мы с мамой, неизвестно, выжил ли бы ты. Давай на первых порах я буду диктовать условия. Тем более ты сам захотел поговорить.

– Записывай адрес...

Надя непринужденно вошла в незнакомую, скромную квартиру, привычно выложила из сумки продукты, фрукты, вино.

– Может, выпьем для начала?

– Давай, если хочешь, – смущенно сказал Никита.

– А теперь поешь обязательно. Вот этот салат со свеклой, грецкие орехи. Гемоглобина у тебя все еще маловато.

– Но здесь не больница. Может, вместе поедим?

– Конечно. Мы же дома. Я имею в виду у тебя... Ты о чем-то конкретном хотел поговорить или соскучился?

– О конкретном.

– Не самый галантный кавалер. Но ничего, я переживу.

– Да я вообще – не кавалер. Ты же знаешь.

– Не усугубляй. Излагай суть.

– В общем, я подумал, не сможешь ли ты мне в главном? Мне ведь Оля больше жизни нужна. Вот я выжил, а сделать ничего не могу.

Надя выслушала просьбу Никиты с безразличным выражением лица, положив ногу за ногу.

– Господи, всего-то. А начинал с такой дрожью, будто хотел, чтоб я Эйфелеву башню в твой курятник переместила. Найдём сыскаря, о чем разговор. Позвоню начальнику нашей охраны, он кого надо посоветует.

Надя набрала телефон:

– Степан Петрович, вот у меня просьба к вам: срочно найти лучшего частного сыщика. Подруге нужно. Прямо сейчас, я даже разъединяться не буду. Дмитрий Орлов? Записываю телефон. Чтобы только я с ним общалась? Папе обязан? Конечно. Я так и собиралась. Спасибо. Постараюсь сегодня его и поймать.

У Никиты во время разговора лоб стал горячим, руки похолодели от волнения. Он пытался понять, каков результат разговора, по Надиному лицу, но оно было совершенно бесстрастным. Он, конечно, не смотрел на ее телефон, тем более что она просто нажала цифру 0.

– Позвони ему сейчас, – попросил Никита.

– Нет, я лучше из машины. Постараюсь сразу к нему и поехать. Ты только не вздумай проситься. От тебя такая волна идет, никакой профессионал с таким клиентом работать не станет. Тем более ты же слышал: он чем-то папе моему обязан. Нам без тебя будет спокойнее. А тебе нужно в себя приходить. Если заказ будет принят, я тебе вечером позвоню. То есть в любом случае позвоню.

– Но я все об Оле знаю.

– Я, кажется, уже тоже. Ты же мне рассказал. Когда твоя помощь понадобится, детектив скажет. Наберись терпения. Я знаю, что одного мальчика год искали и нашли.

– Я буду ждать твоего звонка.

– Конечно. А пока расслабься: ешь, пей, спи, наконец. Ты же знаешь, я не подвожу.

– Да я поэтому к тебе и обратился. Я так тебе благодарен, просто сказать не могу.

Надя приложила палец к губам Никиты и молча вышла из квартиры. В машине она закурила и поехала домой. В свою комнату вошла, как всегда в дни волнения, с бутылкой виски. Но ей удалось справиться с дикцией и внятно сказать по телефону Никите:

– Все в порядке. Он в работе. Связь только через меня. Извини, подробности потом. Падаю от усталости.

* * *

Оля уже час смотрела на календарь, который по ее просьбе принес Виктор. Она уже сотни раз все просчитала. Сомнений быть не могло: у нее задержка. И серьезная. Господи, как же она об этом не подумала? А если бы подумала, что бы могла сделать? Как можно заставить его предохраняться, если она для него – игрушка? Что хочет, то и делает. Организм Оли всегда работал как часы. Сбой может означать только беременность. Что же с нею будет? С ними? Если он узнает, то может убить ее вместе с ребенком. А если оставит жить, она что, родит дитя подземелья? От маньяка? Она представила себе, как топает по этому погребу крошечное существо, не знающее о том, что есть солнце, теплая вода, бабушка. Мама, услышь меня! У меня под сердцем уже живет ребенок, твой внук!

Оля еще раз взглянула на календарь. Тот роковой вечер, когда она ушла от Никиты и подошла к зеленой машине, прошел больше двух месяцев назад. Оля дотронулась ногой до гантели, которую прятала под своей доской. У нее не хватит сил ударить его так, чтобы он потерял сознание. Неудачная попытка все только ухудшит, обозлит его. А ведь она должна думать о ребенке. Она теперь будет думать только о нем.

Заскрипел замок. Он спускается по лестнице. Оля подняла глаза и сказала:

– Я смотрела календарь. Я не знала, что живу здесь уже больше двух месяцев.

– Видишь, значит, тебе здесь не так уж плохо, – улыбнулся Виктор.

Оля молча смотрела на него. «Я убью тебя, придурок!» – яростно подумала она, но лоб остался таким же гладким, а глаза – ясными. Самая добрая девочка на свете придумывала казнь своему обидчику. Он пожалеет, что не убил ее сразу.

– Посмотри, что я тебе принес.

– Давай, я проголодалась, – спокойно произнесла Оля.

Она поела, он поднялся домой и вернулся к ней. Когда закончилось еженощное насилие, Оля сказала:

– Ты обещал, что мы начнем выходить на воздух.

– Я сказал, если будешь очень хорошо себя вести, – хихикнул он. – А ты лежишь, как резиновая кукла.

Оля села и посмотрела ему в глаза:

– Я могу умереть здесь от духоты и влажности. Я болею. Ты понял? Или ты думаешь, что так просто поймать другую девушку, когда я умру?

– Нет. Я не хочу, чтобы ты умерла. Мне не нужна другая. Мне нужна ты.

– Тогда пошли.

– Но мне придется выбрать время, когда сторож спит. Подготовиться. Ты понимаешь, что для меня это опасно?

– А для тебя все опасно, – ответила Оля и повернулась к нему спиной.

Виктор вспомнил пенсионерку, которая все еще жива, убитого мальчика, тайную могилу, где лежат в простыне женщина и младенец, и ему стало настолько страшно, что он крепко прижался к своей жертве.

* * *

Надя приехала к Никите через два дня.

– Слушай, парень так пашет! День и ночь. Постоянно докладывает. Олину фотографию я ему оставила. Так он, представляешь, нашел какого-то старичка с собакой, который видел, как Оля разговаривала с каким-то человеком. Он даже узнал, на каком месте они стояли. Всякие там экспертизы делает, отпечатки снимает. Говорит, Олина обувь нужна и еще, может, какая-то вещь. Кофточка там.

– У меня есть ее тапочки, халат. Подойдет?

– Конечно.

– Я могу к ее маме сбегать, взять туфли, в которых она на улицу выходила.

– Пока не надо. Я узнаю, если нужно, возьмем. Сейчас знаешь какая техника, оборудование? Короче, дело идет. А мы с тобой уже два дня на физкультуру не ездили. Да и не ешь ты, думаю, без меня.

– При чем тут... Я тебе знаешь как благодарен! На всю жизнь.

– До чего ж ты трогательный парень. Можно я тебя обниму? Как друг.

Пока Никита думал, что его обнимает друг, Надя с тоской и страстью вдыхала его запах, ощущала сильное, прекрасное тело. Чего только не было в ее жизни, но ничего подобного она не переживала.

Бокалы стояли в комнате, в серванте. Пока Никита ходил в кухню раскладывать привезенные продукты, Надя разлила по бокалам красное вино, которое привозила Никите, и быстро добавила в тот же бокал виски и текилы из маленьких бутылочек. Он как-то сказал, что не пьет очень крепких напитков. Никита вернулся, расставил тарелки и взволнованно посмотрел на Надю:

– Расскажи подробно, пожалуйста.

– Слушай, ты меня просто насилуешь. К сожалению, не в прямом смысле. Я так устаю от этого дела. Моральное напряжение, понимаешь? Не приставай все время с расспросами. Это твоя информация, и ты ее получишь. Но нам нужно отдыхать. Давай выпьем за успех предприятия и поедим. Только пей до дна. Тост такой. Я в приметы верю.

– А я хочу верить, – улыбнулся Никита и опрокинул бокал. – Слушай, я, кажется, на самом деле с ума схожу от волнения. Это же то вино, которое ты обычно привозишь? Мне от него даже в больнице только теплее становилось. А сейчас показалось таким крепким, голова кругом пошла.

– Господи, – забеспокоилась Надя, – рано тебе было поиски эти начинать. И мне не нужно тебе подробности рассказывать. Ты приляг быстренько. Попробуй уснуть. А я посижу, чтоб не дай бог чего...

– Да, я на пять минут. Ты извини. Ослабел, видно.

Он лег на кровать, не раздеваясь, и какое-то время пытался остановить бешеную карусель в голове. Потом закрыл глаза и уснул. Во сне он сразу увидел Олю, но не так, как всегда, –

издалека, грустной, удаляющейся. На этот раз она была близкой и теплой. Она страстно его целовала. Он почувствовал ее обнаженное тело...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.